ИРАНСКИЙ ЯДЕРНЫЙ УЗЕЛ

Ключевые слова: Иран, ядерная проблема, санкции СБ ООН

А.Г. АРБАТОВ

Член-корреспондент РАН

Ситуация, складывающаяся вокруг Ирана, вызывает тревожные исторические аналогии, например, предверие 1914 г. В связи с этой аналогией в качестве «Лаврилы Принципа» сейчас выступает президент Ирана Ахмадинежад. И хотя никто не хочет войны, с каждым месяцем ее вероятность растет, поскольку события выходят из-под контроля великих держав.

Конечно, в отличие от 1914 г., скорее всего, эта война не станет мировой войной. Тем не менее, последствия войны в Иране будут катастрофическими с учетом того, что по соседству в Ираке и с другой стороны в Афганистане уже идет война. Может подучиться то, что после 1945 г. еще не было: трансконтинентальная «черная дыра», которая будет простираться от Палестины до Индускуша - сплошная зона терроризма и гражданских войн.

Другая крайность - это высокая вероятность того, что Тегеран рано или поздно пойдет по северо-корейскому пути: разорвет отношения с МАГАТЭ, выйдет из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и соэдаст ядерное оружие (ЯО). Это означало бы окончательное крушение Договора и в целом режима ядерного нераспространения со всеми вытекающими последствиями. К ним относятся дальнейшее распространение ядерного оружия (среды первоочередных кандидатов - Саудовская Аравия, Египет, Алжир, Сирия, Турция, Япония, Южная Корея, Тайвань, Вьетнам, Индонезия, Бразилия, ЮАР), рост вероятности его боевого или случайного применения. В конце концов, неизбежно попадание ядерного взрывного устройства в руки международного терроризма и его использование для сокрушения современной цивилизации.

Пространство между двумя этими крайними вариантами - мирное политико-дипломатическое решение проблемы - все время сужается, особенно в последние недели, в связи с известными событиями в Иране и в его отношениях с МАГАТЭ и другими странами. Для остановки сползания в кризис от великих держав и СБ ООН требуются срочные и решительные шаги.

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА

Наибольшее беспокойство мирового сообщества вызывает комплекс обогащения природного урана в иранском городе Натанз, втайне от МАГАТЭ строившийся под землей в течение 18 лет и обноруженный почти сразу же в 2003 г. А в 2009 г. было раскрыто секретное строительство еще одного такого завода у города Кум. Газовые центрифуги для обогащения урана и технологично более мощных таких систем Иран тайно получили из Пакистана. Озабоченность мирового сообщества связана также со строительством в иранском городе Арак завода по производству тяжелой воды и атомного реактора на тяжелой воде, использующего в качестве топлива природный уран и способного наращивать повышенное количество плутония в облученном ядерном топливе (ОЯТ). Как известно, обогащение природного урана и сепарация плутония из ОЯТ относятся к двойным технологиям, то есть могут использоваться как для мирной атомной промышленности, так и для создания оружейных ядерных материалов (ОЯМ).

Есть ряд весомых косвенных улик, наводящих на подозрение, что Иран в самом деле имеет в виду не только и не столько мир-

ную атомную технологию, но и военную программу.

Так, Иран обосновывает свое желание иметь полный ядерный топливный цикл (ЯТЦ) правом на такие технологии согласно ст. IV ДНЯО, а также стремлением быть независимым от других стран в мирной атомной энергетике и неуязвимым для возможных внешних санкций.

Но, во-первых, собственные запасы природного урана в Иране весьма ограничены, их не хватит для обеспечения топливом в течение 10 лет даже двух реакторов того типа, который построен в Бушере с помощью России. Ирану все равно придется импортировать урановое сырье для обогащения уранового комплекса и зависеть от внешних поставок и типотетических санкций. Вместе с тем, запасы своего природного урана в Иране достаточно для того, чтобы обогатить его на тех же центрифугах в Натанзе до урана оружейного и произвести некоторое количество ядерных боеприпасов. Мощности второго завода в Куме позволят производить оружейный уран для одного боезаряда ежегодно.

Во-вторых, обогащение урана экономически оправданно только при функционировании 10 и более атомных электростанций (АЭС). Например, Южная Корея имеет 20 реакторов, но у нее нет предприятий по обогащению. Пока у Ирана строится только один реактор в Бушере, но и для него сертифицированное топливо может поставляться исключительно Россией. Тем более абсурдно заявление президента Ирана о плане строительства 10 и более обогатительных заводов (даже у России их всего 4). Хотя Иран готовит о проектах строительства множества энергетических реакторов, это дело далекого будущего, и, таким образом, обогачитель-

ный комплекс опережает программу АЭС (как потребителя) на десятилетия.

В-третьих, если Иран действительно имел в виду только мирную атомную программу, почему в течение 18 лет в нарушение гарантий МАГАТЭ он скрывал строительство комплекса в Натанзе и в последние годы - в Куме? И почему Тереран втайне покупал на «черном рынке» центрифуги «отца пакистанской атомной бомбы» А.К.Хана? Довод о том, что Иран опасался санкций под давлением США и потому пошел на нарушения, сродни аргументу: «денегти можно украсть, если есть сомнения, что их дадут в долг».

Есть целый ряд других косвенных свидетельств, в частности получение Ираном документации о технологии производства полусфер металлического урана, применимых только в ядерных боеприпасах. Кроме того, Иран всегда активно программу создания баллистических ракет все большей дальности. Ракеты «Шехаб-3», которые Иран уже испытал, имеют дальность более 1200 км; предполагается, что у него будут ракеты и с дальностью 3000, а затем и 6000 км, то есть перекрытую всю Европу и даже Северную Америку. Столь дорогостоящие носители военного назначения из-за их низкой точности не имеют смысла, если для них не будет ядерных боезарядов.

ПОЗИЦИИ СТОРОН

Иран как государство-член Договора о нераспространении ядерного оружия в соответствии с его ст. IV имеет право на мирную атомную энергетику, которая не исключает и ядерный топливный цикл - обогащение урана и сепарацию плутония для мирных нужд. Многие неядерные страны-члены Договора имеют такой цикл или его звенья - Япония, Германия, Нидерланды, Бразилия, Аргентина, ЮАР. Что бы ни думали другие страны об иранской программе и ее несурасности, он сам вправе определять ее параметры при условии, что она осуществляется в рамках ДНЯО и под гарантиями МАГАТЭ.

Иран допускал нарушения, скрывал некоторые свои проекты, что вызвало серьезные подозрения о наличии у него военных, а не мирных ядерных планов. Но по иранской логике, все это - по-

воду для более тщательной проверки со стороны МАГАТЭ, а не для требования прекратить все работы по обогащению урана, включенные в пять резолюций СБ ООН в 2006-2008 гг. Ссылаясь на неправомочность этого требования, Иран не ратифицировал подписанный им в 2003 г. Дополнительный протокол

1997 г. (дающий возможность проверок не заявленной деятельности) и теперь не допускает расследования МАГАТЭ по нормам этого протокола. А возобновление деятельности по обогащению урана в 2005 г. мотивировалось Ираном передачей его дела в СБ ООН, после чего он отменил свое решение от 2004 г. о временном «замораживании» этой программы в духе доброй воли на переговорах с «Европкой» (Британия, Франция, ФРГ).

Но с точки зрения Ирана и многих его сторонников в мире, все это не обязательно служит поводом для санкций и, тем более, вооруженного вмешательства. Например, Северная Корея вообще демонстративно вышла из ДНЯО в 2003 г. и создала ядерное оружие в 2006 г. - и никто не начал военные действия против нее, а наоборот. Пхеньян с удвоенной силой призывает вернуться за стол переговоров. Кстати, в этом плане КНДР последовала примеру США, вышедших из Договора по противоракетной обороне (ПРО) и отказавшихся ратифицировать подписанный ими Договор по всеобщему запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Пакистан, Индия, Израиль, расположенные в географической близости от Ирана, имеют ядерное оружие и не являются членами ДНЯО, причем США продолжают с ними дружественные отношения, а с Индией планируют обширное мирное ядерно-техническое сотрудничество.

Какие цели преследует Иран, хочет ли он реально создать ядерное оружие? Можно с уверенностью говорить, что, во всяком случае, такой вариант он желает держать для себя открытым. Незавестно, будет ли он в конечном итоге реально создавать ядерное оружие, но приобрел техническую возможность для быстрого создания такого оружия в виде промышленного ядерного топливного цикла Иран считает для себя обязательным и упрямо рвется к этой цели, ссылаясь на статьи ДНЯО.

Со своей стороны, Соединенные Штаты правы в том, что для них наличие не только ядерного оружия, но и крупного ядерного топливного цикла (ЯТЦ) в Иране недопустимо. Ведь даже под контролем МАГАТЭ можно создать комплексы обогащения урана и выделения плутония для мирных нужд, а потом, как следовало КНДР, изгнать МАГАТЭ, выйти из ДНЯО с уведомлением за три месяца (ст. X), обогатить уран до оружейного уровня и быстро создать ядерное оружие. Причем, если в Натанзе развернуть, как планируется, 50 тыс. центрифуг (плюс другие обоганительные заводы), то интервал между прекращением каскадов центрифуг на высшее обогащение и накоплением оружейных материалов для боезарядов сократится до нескольких недель.

Жесткая позиция Вашингтона, конечно, обусловлена не только и не столько формальными нарушениями Договора о нераспространении Ираном, а более всего исламско-фундаменталистским характером режима, его претензиями на лидерство в исламском мире, связями с организациями, которые многие страны считают (торда как другие не считают) террористическими, а также провозглашенными антииракскими заявлениями иранского руководства.

Однако эти вопросы непадают под нормы международного права или договорные статьи. И то, что нынешний режим Ирана (в отличие от прошлого, шахского, при котором с помощью США была начата иранская ядерная программа) не правится Вашингтону, - не повод для войны с точки зрения других держав, имеющих хорошие отношения с Ираном. При этом главная слабость позиции США - это тушик в Ираке, куда они вторглись, вопреки возмущениям многих других стран и СБ ООН, под предлогом уничтожения ядерной программы Багдада, которую в ходе оккупации так и не удалось отыскать.

Еще более жесткой является позиция Израиля. И это тоже понятно ввиду деклараций и действий Терерана, которые могут быть дополнены его материальным ракетно-ядерным потенциалом. Такая угроза подорвет всю идеологию Земли обетованной как безопасного убежища для евреев всего мира. После этого ни

иммигрантов, ни инвестиций в Израиль больше не будет.

Иное отношение к вопросу России, Китая, с теми или иными оговорками европейских стран, возмеченных в переговорах (Великобритания, Франция, ФРГ), равно как Индии и Пакистана в роли заинтересованных наблюдателей. Они не хотят жестких санкций, особенно нефтяного эмбарго (которые могут нанести им самим еще больший ущерб), и тем более они против войны с одним из своих важных экономическим и политических партнеров.

Они, безусловно, хотят предотвратить приобретение Ираном ядерного оружия, но считают жесткие санкции и, тем более, войну - лекарством, которое хуже болезни. Ко всему прочему, нефтяное эмбарго (и тем более морская и воздушная блокада) может прямо спровоцировать войну, поскольку Иран попытается в ответ блокировать Персидский залив, что повлечет боевые столкновения в море и воздухе (по аналогии с инцидентом в Тонкинском заливе в 1964 г.). Они также не уверены, что есть неопровержимые доказательства стремления Ирана к ЯО (в отличие от нарушителей тарантий МАГАТЭ), хотя недавние действия и заявления Тегерана усилили подозрения в его адрес.

Россия, безусловно, против того, чтобы Иран обрел не только ядерное оружие, но и промышленный ЯТЦ как по соображениям безопасности, так и по коммерческим причинам - есть возможность продавать Ирану ядерное топливо со своих заводов. Но перспектива жестких санкций и, тем более, военных акций против Ирана ради лишения его топливного цикла не приветствуется Россией. Учитывая традиционные связи РФ с Ираном, роль Ирана в регионе, предлагаемую реакцию мусульманского мира, в том числе и внутри России, Москва хотела бы избежать военного конфликта.

Иран расшатывается в Москве как естественный противоязв расширению влияния в регионе суннитского экстремизма, а также влияния Турции и США. Пока отношения с США дагели от настоящего партнерства, влияние РФ на Иран - это один из ее немногих сильных «козырей» в отношениях с США. Именно этим вызвана острая реакция Москвы на последние иранские

действия, создающие впечатление, что на самом деле «хвост вертит собакой».

Помимо всего прочего, Иран (наряду с КНР, Индией и несколькими другими странами) является импортером немногих российских продуктов высокой технологии: ядерной энергии и вооружений. Занимая 2-е место в мире по разведанным запасам природного газа, Иран предлагает собой привлекательный объект сотрудничества для Газпрома, что обещает контроль над большей частью мировых запасов этого вида энергоносителя, роль которого в будущем значительна возрастет.

В такой ситуации Россия пошла по пути совещения весьма противоречивых позиций. С одной стороны, она выступает против полного топливного цикла в Иране и требует его «замораживания», что совпадает с позицией США. С другой стороны, Россия против жестких санкций и приращения военной силы. Более всего Москва отвергает жесткие санкции за её счет (мирное ядерное сотрудничество, поставки оружия) и в обмен сфер, чувствительных для Запада (импорт нефти, экспорт нефтепродуктов). Россия предпочитает дипломатию и обещания Ирану материальных благ за выполнение резолюций СБ ООН. При этом никаких крайних сроков для достижения соглашения не обозначается, состояние стагнации переговоров продолжается (несмотря на перидическую имитацию подвигаек), а ядерная программа неуклонно движется вперед.

Очевидно, что требование к Ирану пожертвовать технологией обогащения, в которую им уже вложен огромный экономический и политический капитал, может быть действенно только при договорной угрозе причинения в ином случае большого ущерба. Поэтому позиция Москвы (и КНР - другой державы с правом вето в СБ ООН) фактически выливается «кнут» из рук «плетейки», при том, что «пряник» оказался для Ирана недостаточно привлекателен. Улование на дипломатию и силу убеждения пока себя не оправдало, и, поскольку нечто принципиально нового не предлагается, едва ли есть основания надеяться, что в будущем эта тактика сработает.

В плане создания позитивных стимулов Россия сделала ряд ша-

гов. В частности, в 2005 г. было заключено соглашение с Ираном о вывозе ОЯТ с Бушерской АЭС в России для переработки и хранения, что снижает возможность изъятия из ОЯТ плутония на месте. Москва также выступила с важной инициативой, значение которой шире, чем иранская проблема: она создает на своей территории многосторонний центр по обогащению урана (МЦОУ) в Ангарске для гарантированного обеспечения стран-инвесторов топливом для АЭС, что снимает стимул к созданию ими собственных ЯТЦ. Впрочем, эти шаги, учитывая общий фон мирного решения иранского вопроса, сами по себе оказались недостаточным позитивным стимулом для успеха переговоров.

Первоначально позиция Европейского Союза была очень близка к позиции России. В 2004 г. «Еврогруппка» выступила, по контрасту с США, за дипломатическое решение проблемы, причём не на основе угрозы силой, а на базе позитивных стимулов (содействие принятию Ираном ВТО, капиталовложения в добычу газа, передача технологий по сжижению природного газа и пр.). При этом, в отличие от США, ЕС ставил МАГАТЭ в центр деятельности по решению этой проблемы с опорой на ДНЯО и его механизмы и нормы, а не одностороннюю политику США или какой-либо новой «коалиции желающих». Эта позиция вполне соответствовала основному политическому намерению ЕС по нераспространению, заложенным в документах министерских сессий в июне 2003 г. в Люксембурге и Фессалониках.

В своей основе политика ЕС, как и Россия, понимала необходимость нераспространения, определялась их объективным подожением и интересами, отличающимися от американских. В случае войны для возможных ответных действий Ирана и исламского мира в целом Европа (и американские базы на континенте) географически гораздо ближе и существенно не защищена. Мусульманское население (уже от 5% до 10%) может создать взрывоопасную среду в Европе и предотвратить большую свободу действий террористам. Следующие поколения иранских баллистических ракет серии «Шахаб» будут достигать территории ведущих европейских стран. Кроме того, Ев-

росоюз гораздо больше, чем США, зависит от импорта нефти из зоны Персидского залива (до 70% потребления), который почти намеренно будет перекрыт в случае войны. В целом торговый оборот Европы с Ираном весьма велик и вырос вдвое в 2000-2004 гг. (особенно с Францией, Италией, Грецией, Нидерландами, Турцией; вне Европы - Япония, Китай, Индия, Южная Корея, ЮАР).

Китай, имея право вето в СБ ООН, не проявляет большой активности (во всяком случае, внешне) в дипломатической деятельности по этому вопросу. КНР не стоит перед общеполитическим выбором: сотрудничество с Западом или мир с исламом (как Россия) либо союзничество с США или мир с исламом (как Евросоюз). Пекин, видимо, меньше всех опасается приобретения Ираном ядерного оружия. КНР сама сравнительно недавно (в 1992 г.) вступила в Договор о нераспространении и пока еще не присоединилась ко всем его механизмам и нормам. К тому же Китаю до 20% своих энергопотребностей подучает от Ирана и планирует в будущем значительно и по-прежнему увеличивать импорт иранской нефти и газа, разрабатывать месторождения и строить трубопроводы.

Пекин едва ли станет единолично накладывать вето на резолюцию СБ ООН, но, судя по всему, предпримет все возможное, чтобы сделать санкции чисто символическими.

ОШЛИФ ФОН ДИПЛОМАТИИ ВОКРУГ ИРАНА

Естественно, что иранская проблема существует не в вакууме. Общая политическая, международно-правовая и военная среда вокруг проблемы до последнего времени была крайне неблагоприятна для ее решения.

В нарушение своих обязательств по ст. VI Договора о нераспространении США, а также наряду с другими ядерные державы фактически отказались от дальнейшей линии на ядерное разоружение. США вышли из Договора об ограничении ПРО 1972 года (этим прецедентом воспользовалась КНДР, выйдя из ДНЯО в 2003 г., и может впоследствии воспользоваться Иран). Договор США - РФ СНВ-1 истек

5 декабря 2009 г., а переговоры под эгидой Медведева-Обамы по новому соглашению пока не достигли успеха. США (и вслед за ними КНР) не ратифицировали Договор от 1996 г. о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), из-за чего он не вступил в силу.

В 2003 г. Соединенные Штаты совершили военную акцию против Ирака под предлогом пресечения его тайной ядерной программы, но никаких доказательств ядерной программы там не нашли. Это бросает тень на их нынешние обвинения в адрес Ирана.

При этом США фактически своими руками сделали Иран репутационным геомоном. Главные его противники или уничтожены, или ослаблены: режим Хусейна в Ираке, «Талибан» в Афганистане, Саудовская Аравия и Пакистан. В Иране полагают, что пока США остаются увязшими в Ираке, они не предпримут военную акцию против Ирана, хотя бы потому, что у них нет для этого военных ресурсов. Наконец, и КНДР открыла «второй фронт» своим вызывающим актом ядерных и ракетных испытаний, еще больше ослабив политику давления США на Иран.

Весьма неблагоприятен общий фон отношений между США и Россией, а также Россией и ЕС. Самое главное, что большинство российской политической и стратегической элиты в государствах наших и общественных институтах усматривает большие угрозы безопасности, исходящих со стороны США и НАТО, нежели со стороны Ирана, ядерного распространения и терроризма. (К таким угрозам в прошлом относились ПРО, теперь - ситуация в СНГ, расширение НАТО, энергетическая проблематика, российские внутривнутриполитические дела и пр.) Немало противоречий также между КНР и Западом.

В этих условиях неудивительно, что ведущие державы не могут согласовать свои позиции, что разногласия между ними подчас больше, чем между ними и Ираном. Тетеран в традициях восточного торга ловко пользуется этим, постоянно меняя тактику, попеременно ужесточая или смягчая свою линию, ставкая партнеры по переговорам и при этом последовательно продвигаясь в программах ЯПЦ.

В последнее время в свете вы-

зывающей линии Ирана и благодаря улучшению отношений между РФ и США (отмена ПРО в Польше и Чехии, переговоры по СНВ, сотрудничество по Афганистану) позиции России и Запада несколько сблизились. Это выразилось в резолюции МАГАТЭ по новому объекту в Куме и обсуждении санкций со стороны СБ ООН. Однако пока это сближение по наименьшему общему знаменателю (новые ограничительные санкции), а единого курса великих держав так и не сложилось. Помимо всего прочего, для введения жестких санкций (нефтяное эмбарго) США нужно уговорить не столько Россию, сколько союзников в Европе, Японию, КНР и Индию.

США и Израиль готовы развязать войну, чтобы не допустить создания Ираном не только ЯО, но и потенциала его быстрого создания, но они проводят «красную линию» по-разному. США готовы подождать еще несколько лет - во всяком случае, пока не облетится их положение в Ираке и Афганистане. Израиль будет, вероятно, действовать скорее.

ВОЙНА?

Реалистических вариантов военной операции против Ирана немного. Один может заключаться в ограниченных по продолжительности и масштабу ракетно-авиационных ударах по критическим объектам ядерной инфраструктуры (их примерно 30). Такой удар вероятен со стороны только Израиля, однако если ему не удастся предотвратить тяжелый ущерб от ответных действий Ирана, то в операции, скорее всего, будут включены вооруженные силы США.

Другой вариант - ракетно-авиационные удары по расширенному (несколько тысяч) составу целей в течение многих месяцев (по аналогии войны в Югославии). Такие боевые действия могут осуществляться только вооруженными силами США в одностороннем порядке или вместе с Израилем. Вариант по типу операции в Ираке с вводом войск на территорию Ирана исключен из-за отсутствия необходимых ресурсов США, переуроженных в Ираке и Афганистане, а также вследствие тяжелых последствий оккупации Ирака.

Даже ограниченные удары могут на много лет отбросить ядер-

ную программу Ирана, но политические последствия будут весьма разрушительными. Мощный всплеск ненависти к США и Израилю и подъем исламского радикализма в Иране способен перекинуться на весь регион. Иран удалит из страны инспекторов МАГАТЭ и выйдет из ДНЯО, организует террористические акты против Израиля и его учреждений по всему миру. Перетоворный процесс между Палестиной и Израилем окажется сорванным.

Вместе с тем, Израиль готов к террористической войне и ракетным обстрелам и сочтет это приемлемым ущербом (если только ударам не подвернутся атомный реактор в Димоне и нефтеперерабатывающий завод в Хайфе). В таком варианте военное решение проблемы в кратко- и среднесрочной перспективе окажется менее катастрофическим, чем ныне представляется, - во всяком случае, с точки зрения Израиля.

Видимо, Израиль предпримет избирательную военную акцию не позднее осени 2010 г., если Иран будет и дальше двигаться нынешним путем. Вашингтон постарается убедить Тель-Авив подождать до мая, чтобы не срывать конференцию по ДНЯО, а летом в Иране наступает сезон печальных бурь, что препятствует прицеливанию точечных авиаракетных ударов. Но все может случиться и раньше, если Иран свернет сотрудничество с МАГАТЭ или, тем более, заявит о выходе из ДНЯО.

При вмешательстве США война будет иметь гораздо более широкий масштаб и последствия: акции боевиков против американских посольств и учреждений по всему миру, против американских сухопутных и военно-морских сил, размещенных в регионе, могут быть нарушены нефтяные перевозки через Персидский залив. Турецкое руководство осудит любые действия против Ирана и может отказаться от предоставления США своих военных баз, дрейф Турции к исламу будет ускорен.

Операция дестабилизирует обстановку в Афганистане, усилит «Галибан» и сорвет договоренность властей Ирана и Афганистана о совместных действиях против террористов. Удар по Ирану может спровоцировать бурную выступления исламистов в Пакистане и даже гражданскую войну, превратят самыми негатив-

ными последствиями. Иран, безусловно, постарается использовать шитов в Ираке, чтобы затруднить положение США и помешать намеченному выводу их войск.

В случае более затяжной войны вероятна активизация исламистов в Центральной Азии, тем более что туда хлынут сотни тысяч беженцев. В целом, при длительной войне в регионе может наступить глубокий хаос, который распространится от Палестины через Турцию, Ирак, Иран, Аравийский полуостров, Центральную Азию, Южный и Северный Кавказ и Афганистан до Пакистана. Возможно формирование единого исламистского фронта от Палестины до Афганистана.

В Европе под ударами окажутся страны, которые имеют значительные исламские диаспоры: Франция, Великобритания, Германия, Голландия, Дания и др. Затяжная война может вызвать глубокий кризис НАТО и ослабить единство Евросоюза.

В России реакция мусульман будет крайне негативной, что полностью совпадает с официальной позицией Москвы. При массированных ударах со стороны США позиция РФ будет более резкой, и наметившиеся потепление отношений с Западом будет замедлено на неопределенное время.

Нарушение поставок нефти из Ирана и возможное блокирование Персидского залива повлечет взлет мировых цен на углеводородное сырье и увеличит экспортные доходы России. Однако вероятна в таком случае новая волна мирового экономического кризиса принесет гораздо больший ущерб российской экономике и преврет ее выход из рецессии, а обострение отношений с Западом затрунит планы модернизации экономики страны, повысит ее зависимость в качестве сырья от придатка Китая.

Вполне возможно, что последствия войны в плане дестабилизации ядерного Пакистана, невыпадаю подбьема исламского радикализма могут вызвать групповой выход государств из ДНЯО и активизацию в некоторых из них вооруженных ядерных программ с целью обрести свой потенциал сдерживания против США и Израиля. Тогда договорно-правовой режим ядерного нераспространения будет необратимо подорван. Вместе с тем, если США и их союзники

превратят в практику применение силы против стран, создающих критические ядерные технологии и материалы или открыто стремятся к обретению ЯО, то дальнейшее физическое распространение может какое-то время сдерживаться военным путем.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Есть хорошая поговорка: «каждая сложная проблема имеет простое, логичное, лежащее на поверхности... неправильное решение». Ни попыткам вернуться в созданный иранского промышленного ЯТЦ через бесконечные бесплодные переговоры, ни война не решат проблему удовлетворительным образом. К тому же, попыткам использовать тоже приведет к войне: или превентивному удару со стороны Израиля, или впоследствии к войне уже между ядерными государствами - Израилем и Ираном. А утверждение удар по Ирану может «занять в подполье» его ядерную программу и придать ей изначально военную направленность (как у КНДР до 1993 г. и после 2003 г.). Тогда для ее прекращения потребуются крупная наземная операция с последующей оккупацией. Другой вариант - удар по Ирану «взорвет» Пакистан, и ЯО последнего все равно окажется в руках Ирана со всеми вытекающими последствиями.

Эта проблема не допускает простых решений и требует комплексного подхода. Общие принципы могли бы выглядеть следующим образом.

Во-первых, намерения Ирана (мирная или военная ядерная программа?) невозможно точно определить и тем более прогнозировать. Задача не в том, чтобы «угадать» планы Ирана и, исходя из этого, строить линию на переговоры, а в том, чтобы выявить на эти планы через ограничение его технических возможностей путем формулирования четких и реалистических предложений для соглашения. Эти предложения должны подкрепляться позитивными и негативными стимулами технического, экономического, политического и даже военного характера.

Во-вторых, нельзя ставить меры по укреплению ДНЯО в зависимость от характера того или иного режима, двойные стандарты раскалывают сообщество госу-

дарств-членов Договора, прежде всего пятёрку великих ядерных держав. Но список прошлых нарушений гарантий МАГАТЭ со стороны Ирана, характер его ядерной программы не позволяют согласиться на создание там (даже в рамках ДНЯО и гарантий МАГАТЭ) полномасштабного ЯТЦ, позволяющего в короткие сроки приобрести ядерное оружие. Также недопустимо, чтобы членство в ДНЯО и сотрудничество с МАГАТЭ становилось «ажджинком» Ирана в его курсе саботажа решений СБ ООН и МАГАТЭ и в его упорном продолжении запрещенной ядерной деятельности.

В-третьих, символически, «мягкие» санкции (отказ в визах, замораживание зарубежных счетов) неэффективны, по-разному затрагивают интересы ведущих держав и лишь провоцируют Иран на принятие более вызывающей позиции. Эффективнее, «жесткие» санкции (прекращение закупки нефти и поставок нефтепродуктов, эмбарго на оружие, запрет на авиаобращения, морская и воздушная блокада, остановка Бушерского проекта и пр.) требуют больших жертв со стороны ведущих держав и продуманы лишь как последнее средство. Такие меры возможны лишь при фактическом военно-политическом союзе России, Запада и КНР.

Гораздо более эффективным средством давления на Иран является не символические санкции, а единство позиций ведущих держав по условиям возможной договоренности, которые пока не сформулированы.

В-четвертых, переговоры должны вестись с Ираном на основе принципа «разумной достаточности», как нормальные переговоры по ограничению вооружений (в данном случае потенциала создания ядерного оружия) с их использованием богатого опыта таких переговоров 1970-1990-х гг. Для достижения соглашения есть примерно год, хотя по ходу времени эффективность возможного соглашения снижается, поскольку иранская программа наращивания мощностей ЯТЦ продвигается. Её можно остановить путём соглашения, но гораздо труднее обратить вспять.

Сугубо иллюстративно: конкретная цель соглашения могла бы быть не остановка функционирования, а ограничение иран-

ского комплекса по обогащению таким числом центрифуг, которое оставляло бы, как минимум, 1-1,5 года от момента переключения урана до оружейного уровня и до накопления оружейного материала, достаточного для создания нескольких ядерных боезарядов. Если этого времени не хватит для принятия совместных мер, то для них не хватит и 10 лет.

Поскольку в Иране уже достаточно низкообогащенного урана (1400 кг) и центрифуг (около 5 тыс.) для перехода к высокообогащенному быстрее, чем за 1-1,5 года, постольку нужны параллельные соглашения. Например, нарабатанный низкообогащенный уран Россия, возможно, вместе с Францией и другими странами, забрали бы для дообогативных сборок и возвращали Ирану под контролем МАГАТЭ. При этом в Иране не хранилось бы большого количества низкообогащенного урана, который можно быстро обогатить до оружейного уровня. Можно было бы договориться и о сокращении числа центрифуг (и консервации предпринятых в Куме) при оказании внешней помощи в замене их на более современные модели. Отдельные соглашения нужны по плутонию: вому пиклу (реактор на природном уране и завод по производству тяжелой воды в Араке).

В зависимости от типа центрифуг специалисты могут определить их различные количества. Такое соглашение может иметь срок действия (например, 10 лет) и контролироваться через МАГАТЭ. При этом Иран должен будет ратифицировать Дополнительный протокол МАГАТЭ 1997 года. Следует достигнуть понимания, что нарушение соглашения о гарантиях или препятствие деятельности Агентства со стороны Ирана будет рассматриваться как нарушение всей договорённости и повлечёт «жесткие» санкции СБ ООН по главе VII Устава ООН.

В рамках указанных ограничений Иран сэкономит и даже укрепит престиж и национальное достояние (для мирных целей промышленности обогащение всё равно не понадобится как минимум ещё 10-15 лет), получит возможность поддерживать высокий технологический и интеллектуальный уровень, но не сможет быстро создать ЯО в случае нарушения

договорённости. Главное, чтобы Тегеран понял, что великие державы не допустят создания им промышленного ЯТЦ, пока у него нет развитой мирной атомной энергетики, пока он не будет вести ответственно внешнюю политику и пока к нему сохраняются претензии МАГАТЭ. Иран должен осознать, что альтернатива договорённости - не создание ЯТЦ и впоследствии ЯО, а полная изоляция и, вероятно, всего, война.

Ответ на уступки Ирана в качестве позитивных стимулов со стороны ведущих держав есть широкий набор компонентов: гарантии безопасности со стороны великих держав (т.е. обязательства о ненападении с применением ядерного и обычного оружия); восстановление дипломатических отношений с США; принятие в ВТО; расширение Бушерского комплекса и помощь в строительстве новых АЭС; вовлечение Ирана в Глобальную ядерную энергетическую программу; таргетированные поставки ядерного топлива по самым низким рыночным ценам и вывоз ОЯТ; капиталовложения в газовую отрасль и транспортную инфраструктуру и пр.

Для улучшения общего фона сотрудничества великих держав и преодоления разногласий между государствами-членами ДНЯО необходима активизация мер ядерного разоружения (прежде всего, новый договор после истечения срока СНВ-1), а также большее взаимопонимание между Россией и Западом по вопросу поставок ядерного простростия и энергетической безопасности. Требуется также вывести американские войска из Ирака, что ослабит скованность ресурсов США и создаст перспективу распутией узависимости Ирана на его западных рубежах.

Важнейший урок всей истории иранской ядерной проблемы состоит в том, что единство позиций и взаимодействие ведущих держав, прежде всего России, Евросоюза, США и КНР, является непеременимым условием предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия в мире, обращения вспять этого опасного процесса. Для этого им нужно перестать, наконец, создавать проблемы (и даже видимость проблем) для безопасности друг друга и вместе действовать во имя общей безопасности.